

Секция 2

НАЦИЯ И НАЦИОНАЛИЗМ: СТАНОВЛЕНИЕ, РАЗВИТИЕ, ПЕРСПЕКТИВЫ В ГЛОБАЛИЗИРУЮЩЕМСЯ МИРЕ

21 мая 2016 г. Научная библиотека им. Д. А. Гранина СПбГУП

Руководители секции:

- А. А. ГУСЕЙНОВ   научный руководитель Института философии РАН, академик РАН, доктор философских наук, профессор, Почетный доктор СПбГУП
- Т. РОКМОР   профессор Института иностранной философии Пекинского университета (Китай), доктор философии
- В. С. СТЕПИН   руководитель секции философии, социологии, психологии и права Отделения общественных наук РАН, академик РАН, доктор философских наук, профессор, Почетный доктор СПбГУП
- В. А. ТИШКОВ   академик-секретарь Отделения историко-филологических наук РАН, научный руководитель Института этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН, академик РАН, доктор исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ

ДОКЛАДЫ

В. А. Авксентьев¹

ПОЛИТИКА ИДЕНТИЧНОСТИ КАК ФАКТОР БЕЗОПАСНОСТИ²

Геополитические конфликты вокруг Украины и в Сирии показали, сколь важными в современном глобальном переустройстве являются гуманитарные технологии. Наряду с применением военной силы большой акцент делается на использование «мягкой силы», ядром которой является политика идентичности. Против России развернута информационная война, которая приняла беспрецедентный характер: впервые за многие десятилетия не средства массовой информации или общественные деятели, а политики, находящиеся у власти, выступают с обвинениями в адрес персоналий в российском руководстве, в том числе в адрес президента страны. Если говорить об информационной войне в контексте украинского кризиса и кон-

фликта в Сирии, Россия не проиграла в этой войне, но и не выиграла ее.

Сегодня геополитические оппоненты России по большей части отказались от попыток смены политической элиты методом «цветной революции», поэтому упор будет делаться на «позиционные» методы борьбы. Главной мишенью такой борьбы является идентичность, которая в современном мире представляет собой такой же важный фактор безопасности, как армия и вооружение.

Используемый инструментарий нередко, как показал опыт Украины, дает противоречивый результат. В этой стране был выбран ускоренный «брутальный» вариант построения постсоветской идентичности. Это был не собственный выбор Украины, а результат политики идентичности, которая проводилась на Украине при поддержке западных государств, прежде всего США и Канады, через различные фонды и неправительственные организации. Стратегами политики идентичности были сделаны две важнейшие ошибки: антироссийский вектор новой украинской идентичности и концепция «Галичина — украинский Пьемонт». В результате вместо национальной консолидации произошел глубокий раскол, который и сделал возможным превращение Украины в поле геополитического соперничества. Эфемерный мир, выстроенный поколениями националистов, оторванных от родины, оказал-

¹ Заведующий отделом политологии и конфликтологии Института социально-экономических и гуманитарных исследований Южного научного центра РАН (Ставрополь), доктор философских наук, профессор, почетный работник высшего профессионального образования РФ. Автор более 300 научных публикаций, в т. ч.: «Этнополитическая ситуация на Северном Кавказе: экспертная оценка» (в соавт.), «Метафизика и геополитика российской цивилизации» (в соавт.), «Состоялся ли возврат на умеренный конфликтологический сценарий Северо-Кавказского региона?», «Идентификация этнического конфликта как проблема этноконсалтинга и этноконфликтологической экспертизы», «Ставрополье многонациональное: оплот стабильности или перекресток проблем?» (в соавт.) и др. Вице-президент Международной ассоциации конфликтологов.

² Материал подготовлен в рамках проекта РГНФ № 16-03-00038 «Технологии противодействия укреплению общероссийской идентичности как фактор рисков национальной безопасности».

ся параллельным миром по отношению к украинской действительности. Украинцы привыкли в большинстве своем жить в составе СССР — в государстве, в котором частная инициатива не поощрялась. Поэтому воспринять новые идеи, предлагаемые националистами, было сложно¹.

Происходящее в гуманитарной сфере на Украине не было секретом ни для российских политиков, ни для научного сообщества. О том, что пишется в новых украинских учебниках по истории о России и российско-украинских отношениях, говорилось и в СМИ, и на научных конференциях. Россия недооценивала роль «мягкой силы» в международной политике. Представление, что «Украина никуда не денется», сыграло пагубную роль. Тем более что в советский период инструментарий «мягкой силы» широко использовался, несмотря на то что термин был неизвестен ни советским политикам, ни идеологам. Вообще, приемы, относимые сегодня к «мягкой силе», известны с древности и даже закрепились в народной мудрости: «Вода камень точит», «Не везде сила; где умение, а где и терпение», «Силою не все возьмешь» и т. д.

Автором концепции «мягкой силы» считается американский политолог Дж. Най-младший, который отмечает: «Привлекательность США зависит и от ценностей, находящих свое отражение в существе и стиле внешней политики... “Мягкое” могущество проявляется в привлечении других к сотрудничеству без угроз и поощрений; следовательно, отчасти оно зависит от того, как мы формулируем наши цели. Политику, основанную на всеобъемлющих и перспективных целях, легче сделать привлекательной для других, чем имеющую узкий и близорукий характер»².

Лишь во втором десятилетии XXI века российские политики стали говорить о «мягкой силе». На высшем политическом уровне задача использования политики «мягкой силы» была поставлена Президентом России В. В. Путиным в выступлении на совещании послов и постоянных представителей Российской Федерации 9 июля 2012 года³.

В России за последние годы достигнуты значительные успехи в формировании общероссийской гражданской идентичности, продвигается идея российской цивилизационной идентичности. Однако российская идентичность все еще остается недостаточно устойчивым образованием и поэтому является удобным объектом манипулирования. Технологии противодействия формированию общероссийской идентичности концентрируются вокруг нескольких идеологем, которые периодически «вбрасываются» в общественное сознание, а некоторые обрели широкую популярность. В большинстве своем такие технологии имеют «облагороженный» характер, облачены во вполне грамотно разработанные идеи и концепции, что делает их трудно идентифицируемыми и даже привлекательными.

¹ Бондаренко К. Блеск и нищета украинского национализма // Зеркало недели. Украина. 2002. 4 янв. URL: http://gazeta.zn.ua/POLITICS/blesk_i_nischeta_ukrainskogo_natsionalizma.html (дата обращения: 17.03.2004).

² Най Д. «Мягкая сила» и американско-европейские отношения // Свободная мысль—XXI. 2004. № 10. С. 33–41.

³ См.: Президент России. Официальный сайт. URL: <http://президент.рф/news/15902/> (дата обращения: 20.08.2012).

Ярким примером тому является концепт толерантности, настолько прочно усвоенный отечественной гуманитарной наукой, что сама постановка вопроса о том, что идея толерантности, акцентирующая различия, является препятствием для формирования идентичности, то есть тождества, встречает неприятие в профессиональной среде. Между тем западные психологи отмечают, что толерантность помещает «другого» в негативный спектр восприятия (эффект «через-себя-переступания»).

Другим механизмом противодействия идентичности является формирование так называемой негативной идентичности, когда образы России формируются исключительно в негативном ключе. Одному из изобретателей голографического метода, английскому ученому венгерского происхождения, нобелевскому лауреату Деннису Габору принадлежит изречение: «Будущее нельзя предвидеть, но его можно изобрести». Применительно к России можно сказать, что «изобретение будущего» идет скорее в негативном направлении. Средства массовой информации, публицистика, нередко и научные изыскания наполнены, как правило, мрачными прогнозами. Современная российская идентичность связана с такими понятиями, как кризис, стагнация, с такими словесными образами, как «Россия в состоянии вечного развала», «Россия — безнадежное болото», «Россия умерла, но этого никто не заметил», «Катастрофическая история» и т. д. «С Россией кончено», — писал в ноябре 1917 года Максимилиан Волошин. Этот афоризм можно использовать в качестве эпиграфа ко многим изысканиям постсоветской эпохи. Понятие «кризис» было одним из самых употребляемых в массовой коммуникации даже тогда, когда объективно Россия была на подъеме. Сложился кризисный модус поведения, когда на основе устойчивого восприятия состояния окружающего социума как кризисного формируются соответствующее мировоззрение и стереотипы поведения, связанные с фрустрацией, негативистским и агрессивным отношением к действительности, эскапизмом и т. д.

Для многонационального государства, каким является Россия, большую опасность представляют националистические идентичности, негативные по сути. Украинский кризис дает в этом плане хороший урок для России: националистическая идентичность — источник внутреннего раскола в полиэтничном обществе. В качестве примеров идеологем в российском националистическом дискурсе можно привести противопоставление русского и российского, например демонстративное использование понятия «россиянский» вместо «российский», причем обязательно в уничижительном контексте. К этому арсеналу относятся такие понятия, как «РэФия» и «эрефянский».

Таких, по сути деструктивных идей, оформленных иногда во вполне благозвучные формы, иногда в демонстративно уничижительные, немало. Их необходимо выявлять и эксплицитно деструктивный для формирования общероссийской идентичности характер, а также предложить механизмы купирования их негативного эффекта.